

Ксения Соболева

МОЙ БОСС
ИЗ
ТЕНЕВОГО
ГОРОДА

Ксения Соболева

Мой Босс из Теневого Города

«Литнет»

2026

Соболева К.

Мой Босс из Теневого Города / К. Соболева — «Литнет», 2026

В тридцать девять лет я осталась без мужа, привычной жизни и работы, на которой собиралась спокойно дожить до пенсии. Поэтому должность руководителя внутреннего контроля в крупном холдинге казалась почти подарком судьбы. Хорошая зарплата, серьёзные задачи и новый начальник — Роман Вельский, мужчина, рядом с которым особенно трудно помнить, что служебные романы обычно заканчиваются плохо. Вот только мой предшественник не уволился. Он исчез. Расследуя его пропажу, я обнаружила, что компания годами тратит огромные деньги на никому не нужные старые здания, а сам Вельский знает о них куда больше, чем говорит. Потому что рядом с нашим городом существует другой — Теневой. Там до сих пор стоят снесённые дома, ходят люди, умершие много лет назад, а прошлое умеет притворяться настолько живым, что однажды может занять место настоящего. Роман пытается держать меня подальше от своей тайны. Я слишком хорошо знаю, чем заканчивается жизнь рядом с мужчиной, который решает за тебя «ради твоего же блага». Но чем глубже мы заходим в Теневой город, тем яснее становится: опаснее всего не влюбиться в собственного босса. Опаснее — однажды вернуться и обнаружить, что он больше не помнит, почему любил тебя.

© Соболева К., 2026

© Литнет, 2026

Содержание

Глава 1. Новая жизнь по чужому адресу	5
Глава 2. Именно поэтому я вас нанял	15
Глава 3. Человек, который должен был вернуться	31
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Глава 1. Новая жизнь по чужому адресу

Алина Миронова приехала к стеклянной башне «Вельский Групп» за двадцать семь минут до начала рабочего дня и ещё несколько секунд сидела в машине, положив обе руки на руль, хотя двигатель уже был заглушен. Приезжать заранее она привыкла давно, ещё в те времена, когда утро начиналось не с кофе и зеркала в прихожей, а с попытки одновременно разбудить Катю, найти Андрею чистую рубашку, проверить, выключен ли утюг, и вспомнить, куда вечером положила собственные ключи. Теперь рубашки Андрея её больше не касались, Катя в свои семнадцать просыпалась только тогда, когда считала это необходимым, а ключи лежали там, куда Алина клала их сама. Казалось бы, именно об этом она мечтала всякий раз, когда муж в очередной раз спрашивал из спальни, где его ремень, а дочь из ванной требовала принести новый шампунь. Вот только свобода почему-то оказалась очень тихой. В квартире больше никто не искал вещи, не хлопал дверцами шкафов и не сердился на закончившееся молоко, а по вечерам Алина временами ловила себя на том, что стоит посреди кухни с чистой чашкой в руке и не понимает, зачем вообще её достала.

Высокое здание напротив не обещало никакой свободы, зато обещало работу, зарплату и возможность снова отвечать хотя бы за собственные ошибки. Этого сейчас было достаточно. Алина посмотрела на часы, провела ладонью по колену, разглаживая несуществующую складку на тёмной юбке, и всё-таки вышла из машины. Августовское солнце уже успело прогреть асфальт, хотя утро ещё не перешло в жаркий день, а над дорогой стоял тот особенный городской запах, в котором смешивались нагретая пыль, бензин и кофе из маленькой палатки у остановки. В отражающих стёклах башни Алина увидела себя — невысокую женщину в светлой блузке и строгом костюме, с каштановыми волосами, собранными на затылке чуть тщательнее, чем обычно, — и неожиданно подумала, что выглядит человеком, у которого всё давно устроено. Эта мысль заставила усмехнуться. Окружающие вообще часто ошибались именно в тех вещах, которые казались им очевидными.

— Мам, только не начинай там сразу строить всех по линейке, — сказала утром Катя, жуя бутерброд и одновременно листая что-то в телефоне. Она даже не подняла глаз, но по голосу было слышно, что улыбается. — Ты когда нервничаешь, становишься похожа на директрису школы, у которой кто-то курил в туалете.

— Я никогда никого не строю, — ответила тогда Алина, открывая холодильник и машинально проверяя, есть ли дочери что-нибудь на ужин. На полке стояла вчерашняя курица, овощи и контейнер с творогом, поэтому совесть позволила закрыть дверцу. — Я просто прошу людей выполнять то, за что им платят.

— Вот. Уже страшно.

Сейчас, подходя к вращающимся дверям, Алина вспомнила этот разговор и впервые за утро почувствовала, как внутреннее напряжение немного отпускает. Катя умела это делать, хотя сама вряд ли понимала насколько. Последние месяцы дочь иногда обращалась с матерью осторожнее, чем раньше, словно боялась случайным словом задеть место, которое ещё не успело зарости после развода. Алину это раздражало сильнее, чем некоторые поступки Андрея. Она не хотела становиться для собственного ребёнка женщиной, рядом с которой необходимо заранее обдумывать каждую фразу. Тем более что Андрей ушёл не вчера. Прошло уже почти девять месяцев, и за это время Алина успела узнать множество удивительных вещей: например, что сломанный брак совершенно не мешает оплачивать коммунальные счета, простужаться, покупать хлеб и раздражаться из-за соседского ремонта. Жизнь не остановилась даже из вежливости, хотя первые недели ей почему-то казалось, что должна.

В просторном холле пахло кондиционированным воздухом и свежей выпечкой из кофейни у дальней стены. За стойкой охраны сидели двое мужчин в одинаковых серых рубаш-

ках, а мимо турникетов непрерывно проходили сотрудники, на ходу прикладывая карточки и заканчивая телефонные разговоры. Здесь никто не знал, что девять месяцев назад муж Алины Мироновой положил телефон экраном вниз и слишком быстро ответил, что ему просто написал коллега. Никто не видел, как она потом несколько недель делала вид, будто верит, хотя уже знала имя женщины, знала ресторан, где они встречались, и даже знала, что у неё светлые волосы. В этом было что-то почти приятное. Здесь Алина пока не была разведённой женой, женщиной, которой изменили, матерью будущей студентки или дочерью умерших родителей. Она была новым руководителем внутреннего контроля, и всё остальное могло хотя бы до вечера подождать.

— Алина Сергеевна Миронова? — спросила девушка на ресепшен, едва Алина назвала фамилию, и быстро улыбнулась, сверяясь с экраном. — Вас ждут. Сейчас я позвоню Елене Викторовне, она должна спуститься.

— Спасибо, я подожду, — ответила Алина и отошла от стойки, чтобы не мешать следующему посетителю. Она ожидала, что придётся постоять минут десять, но ждать оказалось почти нечего.

Елена Черкасова появилась возле лифтов через пару минут и сразу показалась Алине человеком, возле которого окружающие сами собой начинали говорить немного тише. Ей было около пятидесяти, может быть чуть больше; коротко подстриженные тёмные волосы уже тронула седина, а серо-голубое платье сидело так просто и аккуратно, что Алина невольно вспомнила учительницу литературы из старших классов. Даже улыбалась Елена спокойно, без служебной бодрости людей, которым по должности положено встречать новичков с восторгом.

— Доброе утро, Алина Сергеевна. Наконец-то вы до нас добрались, — сказала она, протягивая руку, и сама же пояснила с лёгким смешком, заметив удивление Алины: — Я не в том смысле, что вы опоздали. Наоборот, Вельский сказал, что вы наверняка приедете раньше всех, и оказался прав. Я Елена Черкасова. Занимаюсь объектами и всем тем, о чём руководство вспоминает, когда начинает течь крыша, отключается свет или внезапно выясняется, что в здании должен кто-то работать.

— Очень воодушевляющее описание должности, — улыбнулась Алина, пожимая её ладонь. — Теперь даже неловко говорить, что я занимаюсь в основном поиском того, куда делись деньги.

— Ничего, через неделю вы поймёте, что мы с вами практически коллеги. У меня постоянно что-то течёт, а у вас постоянно что-то куда-то девается.

Такого начала Алина не ожидала и поэтому расслабилась быстрее, чем собиралась. Елена провела её через турникеты, помогла оформить пропуск и по пути к лифту успела показать кофейню, служебный выход и даже предупредить, что на пятнадцатом этаже почему-то всегда слишком сильно работают кондиционеры. Говорила она без спешки, не пытаясь за пять минут вывалить на новенькую устройство всей компании, и это тоже располагало. В лифте вместе с ними ехали ещё четверо сотрудников, двое из которых поздоровались с Еленой по имени, а молодой мужчина в очках даже успел спросить, не знает ли она, почему со вчерашнего вечера снова не работает дверь в архив. Елена вздохнула так выразительно, словно именно этой двери ей не хватало для полного счастья, пообещала выяснить и только после того, как мужчина вышел, посмотрела на Алину.

— Вот видите? Я не шутила.

— Я уже начинаю вам сочувствовать.

— Не торопитесь. Через пару дней я начну сочувствовать вам.

Их отдел находился на шестнадцатом этаже, хотя собственного большого подразделения в прямом смысле у Алины пока не было. Несколько специалистов внутреннего контроля сидели в общем пространстве за стеклянной перегородкой, а руководителю полагался отдельный кабинет в углу. Елена провела Алину туда и открыла дверь карточкой, после чего остановилась

на пороге, словно давая новой хозяйке возможность первой оценить приобретение. Кабинет оказался значительно лучше того, на который Алина рассчитывала: два больших окна, светлые стены, широкий стол, шкафы и небольшая тумба с кофемашиной. Всё было аккуратно, но не обезличенно. На краю стола стояла тёмно-синяя кружка с белой надписью «Пока вы читаете этот отчёт, проблема уже стала больше», а на спинке второго стула висел мужской пиджак.

Алина задержалась возле двери.

— Кажется, кабинет ещё не освободили.

Улыбка Елены на мгновение исчезла, хотя голос остался таким же спокойным.

— Да. Я как раз хотела предупредить. Это вещи Вадима Костина, вашего предшественника. Мы решили пока ничего не убирать.

— Пока он не вернётся?

Елена не ответила сразу. Она прошла к окну, поправила немного съехавшую жалюзи и только потом повернулась, опершись ладонью о подоконник.

— Формально Вадим взял отпуск по семейным обстоятельствам. Очень внезапно, буквально посреди недели. Потом перестал выходить на связь. Его жена обратилась в полицию, насколько я знаю, но пока новостей нет. Я не хотела начинать ваш первый день с такой истории, просто вы всё равно сразу увидели вещи.

Алина снова посмотрела на кружку, потом на пиджак. Тот был аккуратно переброшен через спинку стула, будто хозяин снял его из-за жары и собирался надеть перед уходом. На подоконнике стоял небольшой пакет печенья, открытый и свёрнутый сверху, а рядом лежала ручка без колпачка. Всё вместе слишком мало походило на кабинет человека, который решил внезапно уйти в отпуск.

— Давно он пропал?

— Двенадцать дней, — ответила Елена и едва заметно нахмурилась. — Я понимаю, о чём вы думаете. Мы все примерно об этом думаем.

— А что говорит руководство?

— То же, что и полиция: ждём. Роман Александрович занимался этим сам, но подробностей никому не рассказывал.

Имя Вельского прозвучало так буднично, что Алина невольно вспомнила собеседование. Оно состоялось четыре дня назад и с самого начала пошло совсем не так, как она ожидала. Сначала были кадровик и финансовый директор, потом несколько обычных вопросов о предыдущей работе, конфликтах, проверках и причинах увольнения. Алина уже решила, что всё прошло прилично, когда дверь переговорной открылась и вошёл сам владелец компании. На фотографиях с деловых мероприятий Роман Вельский казался старше. Вживую ему трудно было дать больше сорока пяти: высокий, тёмноволосый, с заметной сединой на висках и таким неподвижным выражением лица, что на его фоне другие люди начинали выглядеть чрезмерно эмоциональными. Он сел напротив Алины, пролистал её резюме и первым делом спросил не о работе.

— Почему вы ушли с предыдущего места до того, как нашли новое? — спросил он, отложив бумаги и посмотрев на неё так, словно правильного ответа не существовало.

Алина тогда помолчала несколько секунд. Можно было рассказать про смену руководства, сокращение полномочий и невозможность нормально выполнять обязанности. Всё это было правдой, только не всей.

— Потому что мне надоело каждое утро уговаривать себя войти в здание, — ответила она наконец. — Я могла бы остаться ещё на полгода и спокойно искать что-нибудь другое, но однажды поняла, что последние двадцать лет слишком часто оставалась там, откуда давно хотела уйти.

Кадровик тогда опустила взгляд, словно слышала больше личного, чем полагалось на собеседовании. Вельский, наоборот, даже не изменился в лице.

— Вы часто принимаете решения под влиянием эмоций?

— Нет. Поэтому иногда принимаю их слишком поздно.

Он задал ещё несколько вопросов, и каждый звучал так, будто мужчина не столько проверяет её квалификацию, сколько пытается понять, каким образом она будет вести себя, если окажется неудобно. Например, сможет ли она спорить с человеком, который подписывает её зарплату. Алина ответила, что именно с ним и придётся спорить чаще всего, если он начнёт принимать плохие решения. Финансовый директор кашлянул. Роман Вельский несколько секунд смотрел ей в лицо, а потом неожиданно спросил:

— Когда сможете выйти?

Тогда Алина решила, что он либо обладает редким чувством юмора, либо просто чрезмерно уверен в собственной способности пережить любое возражение. Теперь, стоя в кабинете исчезнувшего человека, она впервые задумалась, почему вообще собеседование проводил лично владелец холдинга. Должность была высокой, но точно не такой, ради которой собственник компании должен был бросать дела и проверять характер кандидата.

— Если вам будет некомфортно здесь сидеть, я попрошу подготовить другой кабинет, — сказала Елена, возвращая Алину к настоящему. — У нас есть свободный этажом ниже. Правда, окно выходит на соседнюю стену, поэтому выбирать придётся между видом и чужой кружкой.

— Оставим вид, — ответила Алина и подошла к столу. — Я не суеверная. А вещи лучше действительно пока не трогать.

— Я тоже так думаю.

Елена помогла включить компьютер, показала несколько внутренних программ и представила сотрудников. В отделе Алины оказалось всего шесть человек: двое мужчин и четыре женщины разного возраста, и каждый при знакомстве хотя бы на секунду смотрел в сторону кабинета Костина. Один из сотрудников, молодой парень по имени Максим, даже начал говорить: «Если Вадим Сергеевич вернётся...», но тут же поправился на «когда вернётся» и сделал вид, что ничего не произошло. Алина не стала задавать вопросов. Первый рабочий день вообще плохо подходил для расследования чужих исчезновений, а она пришла сюда прежде всего работать, а не превращаться в героиню криминальной хроники.

До обеда всё действительно выглядело почти нормально. Алина изучала текущие задачи, знакомилась с отчётами и постепенно понимала, что «Вельский Групп» устроен значительно сложнее, чем представлялось снаружи. Компания владела деловыми центрами, несколькими торговыми зданиями, старыми особняками, небольшими производственными помещениями и ещё десятками объектов, смысл которых с первого взгляда был совершенно непонятен. Особенно удивляло количество старых зданий, которые очевидно приносили мало денег, но продолжали содержаться с завидным упрямством. Где-то работала крошечная мастерская, где-то оставалось два охранника, в другом месте оплачивали уборку и электричество при почти полном отсутствии арендаторов. Никакой катастрофы в цифрах Алина не видела, но отдельные решения заставляли остановиться и перечитать строку ещё раз.

Около половины первого дверь без стука открылась, и Алина подняла голову, ожидая увидеть кого-нибудь из отдела. На пороге стоял Роман Вельский.

Сегодня на нём не было пиджака, только белая рубашка с закатанными до локтей рукавами и тёмные брюки. Без строгого костюма он выглядел чуть менее официально, но совершенно не менее неприятно уверенно. Роман быстро оглядел кабинет, задержал взгляд на пиджаке Костина и только после этого посмотрел на Алину.

— Освоились?

— За четыре часа полностью невозможно, но направление движения уже понимаю, — ответила она, отодвигаясь от монитора. В присутствии Вельского ей почему-то хотелось сидеть ровнее, и это раздражало. — Вы пришли проверить, не сбежала ли я после знакомства с отчётностью?

— Если бы хотели сбежать, сделали бы это ещё на собеседовании. Я достаточно подробно объяснил, что здесь не всё идеально.

— Вы сказали, что работы много. Это руководители обычно говорят вместо слов «до вас никто ничего не успевал».

Роман посмотрел на неё, и угол его рта едва заметно дрогнул. Возможно, Алина это придумала, потому что полноценной улыбкой произошедшее назвать было невозможно.

— Елена рассказала о Костине?

— Да. Она сказала, что он ушёл в отпуск и пропал.

— Сначала ушёл в отпуск, потом пропал, — поправил Роман и на несколько мгновений снова посмотрел на оставленный пиджак. — Полиция занимается поисками. Если найдёте в его рабочих материалах что-нибудь, что покажется связанным с исчезновением, сообщите мне.

— Не полиции?

— Мне.

Ответ прозвучал слишком быстро. Алина прислонилась к спинке кресла и внимательно посмотрела на мужчину.

— Есть причина?

— Есть.

— Вы мне её скажете?

— Пока нет.

Она едва не рассмеялась. Вельский произносил это с таким спокойствием, словно невозможность получить объяснение была естественным законом природы.

— Очень удобная у вас система взаимодействия с внутренним контролем, Роман Александрович. Я сообщаю вам всё, а вы мне — то, что считаете нужным.

— На первом рабочем дне именно так и будет.

— А на втором?

— Посмотрим, как вы переживёте первый.

На этот раз Алина точно увидела насмешку в его глазах. Она неожиданно для себя улыбнулась, хотя ещё вчера заранее решила, что с таким человеком лучше всего держать сухую служебную дистанцию.

— Я обычно довольно живучая.

— Я заметил на собеседовании.

Роман уже собирался уходить, когда Алина вспомнила о старых зданиях. Она развернула к нему монитор и открыла одну из таблиц.

— Тогда один вопрос, раз уж вы здесь. Почему компания продолжает содержать столько почти пустых объектов? Вот здесь, например, старый дом на Лесной. Четыре помещения, два из них не используются вообще, в третьем сидит какой-то мастер, в четвёртом охрана. Расходы выше дохода. И таких мест достаточно много.

Что-то изменилось слишком быстро, чтобы она успела понять, что именно. Лицо Вельского осталось спокойным, но взгляд стал внимательнее.

— Пока не трогайте старые объекты.

— Почему?

— Потому что сейчас есть более важные задачи.

— Это не ответ.

— Для первого дня вполне достаточный.

Алина посмотрела на экран, затем снова на него. Несколько часов назад она была почти готова признать, что первое впечатление о начальнике оказалось несправедливым. Теперь знакомое раздражение вернулось с удивительной лёгкостью.

— Роман Александрович, если вы хотите, чтобы я проверяла только то, что вам заранее удобно, тогда, наверное, стоило нанять другого человека.

Он не повысил голоса и не изменил позы. Только взгляд стал ещё тяжелее.

— Именно другого человека я нанимать и не хотел.

— Тогда зачем запрещаете делать работу?

— Я не запрещаю вам делать работу, Алина Сергеевна. Я говорю, с чего не стоит начинать в первый день.

— А если я считаю иначе?

— Тогда через некоторое время мы снова обсудим этот вопрос.

В обычной ситуации она бы на этом остановилась. Не потому что испугалась начальника, а потому что умела различать принципиальность и бессмысленное препирательство. Но в словах Вельского было что-то неправильное: не желание скрыть невыгодные цифры и даже не раздражение человека, которому задают неудобный вопрос. Скорее беспокойство. Он смотрел на открытую таблицу так, словно там находилось не несколько старых зданий, а что-то способное причинить ей вред.

— Хорошо, — сказала Алина после паузы. — Пока не буду.

Роман кивнул, хотя по выражению лица было ясно, что слово «пока» он услышал прекрасно.

— Обедали?

Вопрос оказался настолько неожиданным, что Алина моргнула.

— Нет ещё.

— Тогда идите. Здесь есть дурная привычка доказывать собственную полезность голодом. Я её не поддерживаю.

— Это распоряжение?

— Рекомендация. Распоряжения вы, как выяснилось, воспринимаете болезненно.

Он вышел прежде, чем Алина придумала достаточно хороший ответ. Несколько секунд она смотрела на закрывшуюся дверь, потом тихо фыркнула и только теперь заметила, что действительно голодна.

За обедом Елена снова оказалась рядом. Они встретились в небольшой столовой на четырнадцатом этаже, где Черкасова сидела у окна с супом и планшетом. Она махнула Алине рукой, предлагая присоединиться, и почти сразу спросила, успел ли уже Вельский испортить настроение новой сотруднице.

— Пока только попытался, — ответила Алина, разламывая вилкой кусочек запеканки. — Скажите, он всегда разговаривает так, будто выдаёт человеку по три слова в одни руки?

Елена рассмеялась.

— Нет. Иногда по четыре, если вы ему нравитесь.

— Тогда мне страшно представить, как он разговаривает с теми, кого терпеть не может.

— Молчит. Это действительно хуже.

Алина улыбнулась и какое-то время ела, наблюдая через окно за городом. С шестнадцатого этажа улицы казались удивительно простыми: ровные линии, небольшие машины, одинаково движущиеся люди. Сверху вообще многое выглядело понятнее, чем вблизи. Возможно, именно поэтому начальники так любили высокие этажи.

— Вы давно здесь работаете? — спросила она.

— Четырнадцать лет.

— Почти с самого начала?

— Не совсем. Компания существовала и раньше, просто была гораздо меньше. Я пришла ещё при отце Романа Александровича, а потом осталась с ним.

— Значит, знаете Вельского лучше большинства.

Елена внимательно посмотрела на неё поверх стакана воды.

— Это вопрос о работе или любопытство?

Алина даже не успела придумать оправдание.

— Пока о работе.

— Хороший ответ. — Елена поставила стакан. — Да, знаю давно. Он бывает тяжёлым человеком, особенно когда считает, что отвечает за чью-то безопасность. Иногда путает заботу с правом всё решать самому. Если вы об этом, спорить с ним можно. Только желательно понимать, за что именно спорите.

— Я уже заметила.

— Он тоже.

Елена произнесла это слишком спокойно, но Алина всё равно уловила второе значение и покачала головой.

— Вы меня знаете половину дня и уже решили устроить личную жизнь?

— Упаси бог. Я за свою-то не отвечаю. Просто давно не видела, чтобы Роман Александрович лично приходил проверять, пообедал ли новый сотрудник.

Алина замерла с вилкой в руке.

— Откуда вы знаете?

— Он спросил меня по дороге сюда, видела ли я вас в столовой.

Это уже было хуже. Не потому что в вопросе Вельского существовало что-то романтическое — Алина была достаточно взрослой, чтобы не превращать каждый мужской взгляд в любовное признание, — а потому что маленькое внимание приятно кольнуло там, где последние месяцы она особенно старалась ничего не чувствовать. Андрей тоже когда-то спрашивал, поела ли она. Потом перестал. Потом однажды Алина поняла, что он вообще уже не знает, когда она приходит домой.

Она раздражённо отрезала ещё кусок запеканки.

— Возможно, он просто боится, что я упаду в обморок над его отчётами и испорчу статистику несчастных случаев.

— Возможно, — согласилась Елена с таким выражением лица, что стало ясно: спорить она не собирается исключительно из вежливости.

После обеда работа пошла быстрее. К пяти часам Алина уже успела составить список вопросов на ближайшие дни, познакомиться с основной частью текущих проверок и даже несколько раз забыть о странностях первого утра. Обычная работа обладала почти лечебным действием. Цифры не изменяли, не обижались, не требовали объяснить настроение и не уходили к другим женщинам. Если что-то не сходилось, существовала причина, и эту причину можно было найти. Простая мысль, но именно по ней Алина больше всего скучала последние месяцы.

Большинство сотрудников начало расходиться около шести. Максим заглянул к ней, спросил, нужно ли ещё что-нибудь, и заметно обрадовался, услышав, что можно идти домой. Девушки из отдела пожелали хорошего вечера. Алина ответила тем же и ещё минут двадцать продолжала работать, пока не поняла, что этаж почти полностью опустел. Только где-то за стеклянной перегородкой продолжал тихо гудеть принтер.

Она потянулась, сняла очки и посмотрела на часы. Катя утром предупреждала, что вечером встретится с подругой и вернётся поздно, поэтому торопиться домой не было смысла. Несколько месяцев назад Алина в подобной ситуации всё равно помчалась бы в магазин, потом к плите, потом проверять, купила ли дочь всё необходимое для подготовительных курсов. Теперь она попыталась вспомнить, чего хочет сама, и неожиданно не нашла ответа. Можно было зайти в кафе. Можно было пройтись. Можно было просто приехать домой и посмотреть фильм, который никто кроме неё не выбирал. Такое количество возможностей почему-то не радовало, а утомляло.

Алина уже собиралась выключить компьютер, когда заметила одну из папок на нижней полке стола. Она не стояла вместе с текущими документами и выглядела старой: серый картон, металлические скобы, несколько загнутых углов. Скорее всего, принадлежала Костину. Алина

вытащила папку и некоторое время колебалась, но затем всё-таки раскрыла. Внутри лежали распечатки по старым объектам компании, обычные таблицы и фотографии зданий. Ничего секретного. Несколько адресов она уже видела днём среди тех самых странных расходов, которые Вельский попросил пока не трогать.

На первой странице стоял адрес старого дома на Лесной. Рядом Костин карандашом написал дату недельной давности и короткое слово: «пусто».

Алина перелистнула страницу.

Заброшенное административное здание у железной дороги. Дата двумя днями раньше. Та же надпись: «пусто».

Ещё один лист. Старое помещение мастерских. «Пусто».

Она нахмурилась и придвинула папку ближе. Всего таких адресов оказалось семь. Где-то Костин обводил фамилии сотрудников, где-то подчёркивал даты, но никаких объяснений не оставил. На последнем листе была распечатана фотография небольшого двухэтажного здания из тёмного кирпича. Окна первого этажа закрывали металлические ставни, над дверью висела выцветшая вывеска, которую невозможно было разобрать. Под фотографией Костин написал: «Проверить самому. Е. говорит, авария. Снова пусто».

Алина перечитала строку дважды.

За окном медленно темнело, и отражение комнаты становилось в стекле всё заметнее. Пустой кабинет, стол, её собственная фигура и мужской пиджак на спинке соседнего стула. Ещё утром эта вещь казалась просто случайно оставленной одеждой. Сейчас она выглядела иначе.

Костин собирался вернуться.

В этом Алина почему-то уже почти не сомневалась.

Она закрыла папку, но через секунду снова открыла и посмотрела на последнее слово. «Пусто». Семь раз подряд. Странная пометка для человека, который проверял расходы компании. Если объект переставал использоваться, это и так должно было быть видно из документов. Значит, Костин отмечал не отсутствие арендаторов и не экономическую пустоту. Он ездил туда сам и видел что-то, что считал достаточно важным, чтобы повторять одно и то же слово.

Телефон на столе неожиданно завибрировал, и Алина вздрогнула сильнее, чем следовало. На экране высветилось имя дочери.

— Мам, ты ещё на работе? — спросила Катя сразу после того, как Алина ответила. На заднем плане слышались голоса и музыка. — Я просто проверяю, не решила ли ты доказать новому начальнику, что можешь за первый день сделать месячную норму.

— Уже почти ухожу, — сказала Алина и сама удивилась тому, насколько приятно услышать родной голос. — А ты где?

— В центре. Мы с Машкой ещё посидим часа два. Не жди меня, ладно?

— Я и не собиралась.

— Врёшь.

Алина улыбнулась и закрыла папку.

— Хорошо. Возможно, немного собиралась.

— Вот. Уже прогресс. Разрешаю лечь спать до моего возвращения.

— Спасибо за разрешение.

— Всегда пожалуйста. И мам... — Катя на секунду замолчала, а когда продолжила, голос стал мягче. — Ну как вообще?

Алина посмотрела на тёмное окно. В нём отражалась новая женщина за чужим столом, чужая кружка и оставленный кем-то пиджак. На полке лежали документы человека, которого двенадцать дней никто не мог найти, а где-то несколькими этажами выше или ниже сидел мужчина, который явно знал больше, чем хотел рассказывать. Всё это совершенно не походило на спокойное начало новой жизни.

— Нормально, — ответила она после короткой паузы. — Кажется, скучно не будет.

После разговора Алина убрала папку в ящик стола, закрыла его и наконец взяла сумку. Уже у двери она обернулась, сама не понимая зачем. Кабинет снова выглядел совершенно обычным. На столе осталась синяя кружка Костина, за окном горели тысячи городских окон, а на спинке стула по-прежнему висел пиджак мужчины, который однажды утром пришёл сюда на работу и почему-то не вернулся домой.

Алина выключила свет и вышла в коридор. До лифтов было несколько десятков шагов, и звук её каблучков слишком отчётливо разносился по пустому этажу. Возле стеклянной переговорной она остановилась, потому что в дальнем конце коридора увидела Романа Вельского. Он стоял у окна спиной к ней и разговаривал по телефону. Обычно спокойный голос сейчас звучал значительно тише, поэтому слов разобрать не удавалось, но по напряжённой линии плеч было понятно, что разговор ему не нравится.

Роман заметил Алину в отражении стекла и замолчал на полуслове. Несколько секунд они просто смотрели друг на друга через отражение, затем он коротко сказал собеседнику, что перезвонит, и убрал телефон.

— Вы всё ещё здесь?

— Хотела задать тот же вопрос, — ответила Алина, подходя ближе. — Но потом вспомнила, что это ваша компания.

— А вы пока только работаете в ней.

— Первый день, а уже чувствуется разница в положении.

На этот раз он действительно улыбнулся, совсем немного, но достаточно, чтобы лицо неожиданно перестало казаться таким холодным.

— Как впечатления?

Алина помедлила. Можно было сказать про папку Костина и семь одинаковых пометок. Можно было спросить, почему он запрещает проверять именно те объекты, которыми интересовался пропавший сотрудник. Но она ещё ничего не знала и слишком хорошо понимала цену преждевременных выводов.

— Пока впечатление одно, — сказала она, поправляя ремень сумки на плече. — Работы у меня будет больше, чем вы обещали.

— Я вам ничего не обещал.

— Вот это, пожалуй, единственная часть собеседования, которую я запомнила совершенно точно.

Он кивнул в сторону лифтов и пошёл рядом. Алина заметила, что Роман не пытается идти быстрее, хотя его шаг был значительно шире. Возле панели он нажал кнопку вызова, после чего неожиданно спросил:

— Вы нашли что-нибудь интересное?

Вопрос прозвучал слишком спокойно.

Алина повернула голову.

— За первый день?

— Иногда достаточно и одного.

Она всмотрелась в его лицо, но там снова не осталось ничего, за что можно было зацепиться.

— Пока только чужую кружку, старый пиджак и ощущение, что половина людей вокруг меня что-то недоговаривает.

Роман несколько секунд молчал. Лифт всё не приезжал, цифры на табло медленно менялись.

— Для первого дня неплохой результат, — сказал он наконец.

Двери открылись. Они вошли внутрь, и Алина нажала первый этаж. Роман почему-то не выбрал никакой кнопки.

— А вы?

— Спущусь с вами.

— Решили лично убедиться, что новый сотрудник покинул здание?

— Решил выпить кофе внизу.

— В семь вечера?

— Я достаточно взрослый, чтобы самостоятельно выбирать время для кофе, Алина Сергеевна.

— Вот видите, — ответила она и посмотрела на него. — А я достаточно взрослая, чтобы самостоятельно выбирать, какие документы читать.

Несколько мгновений Роман не отвечал. Потом чуть повернул голову, и в его взгляде опять появилось то самое выражение, которое Алина уже видела днём возле таблицы со старыми зданиями. Не раздражение. Не желание поставить подчинённую на место. Скорее понимание того, что проблема, которой он опасался, всё-таки началась.

— Это разные вещи, — тихо сказал он.

— Пока не вижу разницы.

— Увидите.

Лифт остановился на первом этаже, и двери разошлись. В холле ещё былолюдно, играла музыка из кофейни, сотрудники проходили через турникеты, кто-то смеялся возле выхода. Обычный вечер обычной компании. Алина вышла первой и почти сразу почувствовала облегчение от шума и света, сама не понимая, почему пустой этаж наверху вдруг начал действовать ей на нервы.

Возле дверей она обернулась.

— До завтра, Роман Александрович.

— До завтра, Алина Сергеевна.

Он остался у кофейни, а Алина вышла на улицу. Тёплый вечер ударил в лицо, машины медленно ползли по дороге, и город вокруг казался настолько обычным, что её недавнее беспокойство стало почти смешным. Она дошла до автомобиля, положила сумку на пассажирское сиденье и уже собиралась завести двигатель, когда вспомнила последнюю страницу из папки Костина.

«Е. говорит, авария. Снова пусто».

Алина некоторое время сидела неподвижно, пытаясь понять, почему именно эта фраза не выходит из головы. Потом сказала себе, что утром спокойно разберётся, что означала буква «Е», кто отправил Костина на тот адрес и почему семь совершенно разных старых зданий вдруг оказались для него одинаково важными.

Она ещё не знала, что больше всего ошибалась в одном.

Пустыми Костин называл вовсе не здания.

Глава 2. Именно поэтому я вас нанял

На второй рабочий день Алина приехала на двенадцать минут позже, чем на первый, и сочла это маленькой личной победой. Она всё ещё появилась раньше большей части отдела, но хотя бы не сидела полчаса на парковке, убеждая себя, что новая работа не является экзаменом, который необходимо сдать на отлично с первой попытки. Катя утром тоже заметила прогресс и, не отрываясь от чашки какао, торжественно сообщила, что ещё недели две — и мать научится приходить туда ровно к девяти, как нормальный человек. Алина предложила дочери сначала самой научиться приходить вовремя хотя бы на занятия к репетитору, после чего разговор закономерно перешёл к тому, что двадцать минут опоздания в субботу вообще нельзя считать опозданием, потому что суббота существует именно для того, чтобы люди делали всё медленнее.

Этот короткий утренний спор оказался удивительно приятным. Ещё несколько месяцев назад каждое упоминание времени неизбежно превращалось в разговор о поступлении, деньгах, будущем Кати и том, кто именно будет оплачивать обучение, если бюджетного места не окажется. Андрей исправно переводил деньги и обещал помогать дочери независимо от того, как сложатся их отношения с Алиной, но само слово «обещал» после последних событий имело для неё неприятный привкус. Она старалась не показывать этого Кате, потому что дочь не должна была превращаться в судью между родителями, однако иногда ловила себя на том, что проверяет переводы слишком внимательно и сохраняет сообщения бывшего мужа, словно заранее готовится к судебному процессу, которого никто не собирался начинать. Новая работа хотя бы на несколько часов в день вытесняла из головы подобные мысли, и за это одно Алина уже была готова относиться к «Вельский Групп» значительно теплее, чем вчера утром.

На шестнадцатом этаже всё выглядело почти так же, как вечером: стеклянные перегородки, светлые стены, ещё пустые столы и тот особенный утренний запах офиса, где кондиционеры уже работают, а люди ещё не успели наполнить помещение кофе, духами и разговорами. Алина поздоровалась с охранником на этаже, прошла к своему кабинету и остановилась на пороге, потому что первым делом снова увидела пиджак Вадима Костина. Она почти успела забыть о нём за ночь, хотя лежащая в нижнем ящике папка несколько раз всплывала в памяти перед сном. Особенно назойливо возвращалась короткая пометка на последнем листе: «Е. говорит, авария. Снова пусто». Алина перебрала в голове несколько возможных значений буквы и неизбежно вернулась к Елене, потому что Черкасова действительно занималась объектами. Это ничего не доказывало и вообще могло означать имя инженера, подрядчика, секретаря или даже название отдела, но именно поэтому Алина решила пока ничего не спрашивать. Любой нормальный вопрос становился гораздо полезнее, если задавался после того, как человек уже собрал достаточно информации, чтобы заметить плохой ответ.

Она включила компьютер, достала папку Костина и минут десять просто перечитывала вчерашние листы, стараясь смотреть на них без прежнего возбуждения. Семь старых адресов, несколько дат, фамилии сотрудников, короткие пометки о закрытии помещений и одно повторяющееся слово. В большинстве случаев объектами занималась служба Елены Черкасовой, что само по себе было совершенно естественно. Если женщина четырнадцать лет отвечала за здания компании, её имя должно было встречаться почти везде. Алина даже почувствовала лёгкое раздражение на саму себя за то, что мозг уже начал примерять к доброжелательной Елене роль человека с тайной, хотя вчера та спокойно помогала ей освоиться, шутила за обедом и не дала ни одного нормального повода для подозрений.

В дверь тихо постучали, и почти сразу внутрь заглянула одна из сотрудниц отдела, Светлана, женщина лет сорока с короткими светлыми волосами и таким осторожным выражением

лица, будто за годы работы привыкла сначала выяснять настроение начальства и только потом входить полностью.

— Алина Сергеевна, доброе утро. Я вам вчера не успела отправить отчёт по филиалам, сейчас пришлю, — сказала она, прижимая к груди тонкую папку. — Там только один вопрос остался по старому складу, но Максим сегодня свяжется с бухгалтерией и уточнит.

— Доброе утро, Светлана. Не торопитесь закрывать вопрос только ради красивого отчёта, — ответила Алина, закрывая бумаги Костина другим листом. — Если что-то не сходится, лучше оставьте красным и объясните почему. Я гораздо спокойнее отношусь к незакрытой проблеме, чем к проблеме, которую закрыли словами «всё нормально».

Женщина заметно расслабилась.

— Вадим Сергеевич говорил примерно то же самое.

Имя прозвучало так неожиданно, что Алина едва не посмотрела на пиджак.

— Значит, у нас с ним хотя бы в одном совпадали методы.

— Он вообще хороший начальник, — быстро сказала Светлана и тут же поправилась: — Был. То есть есть. Простите, глупо прозвучало.

— Нормально прозвучало. Человека пока никто не объявлял умершим.

Светлана кивнула, но по её лицу Алина поняла, что именно такая мысль здесь давно ходит между людьми и просто не произносится вслух. Она уже собиралась отпустить сотрудницу, когда решила всё-таки проверить один маленький вопрос.

— Светлана, а Костин часто сам ездил на объекты?

— Последнее время чаще обычного, — ответила та после короткого раздумья. — Хотя вообще у нас для этого другие люди есть. Он говорил, что хочет некоторые вещи увидеть лично. Я спрашивала, что случилось, но Вадим Сергеевич только отмахнулся.

— Он выглядел испуганным?

Светлана задумалась.

— Скорее злым. Последние пару недель постоянно кому-то звонил, спорил, один раз даже с Еленой Викторовной довольно резко разговаривал. Но это нормально, они часто спорили по расходам. Он считал, что половину старых зданий давно надо закрыть, а она каждый раз приносила какие-нибудь объяснения, почему нельзя.

Вот это уже было интересно, хотя всё ещё совершенно не означало преступления, исчезновения или заговора. Люди, отвечающие за расходы, и люди, отвечающие за эксплуатацию, могли спорить годами просто потому, что один видел цифры, а другой — текущие проблемы. Алина сама на прежней работе десятки раз доказывала коллегам, что необходимость потратить деньги не перестаёт существовать только потому, что расход кому-то не нравится.

— Спасибо, — сказала она, и, заметив, что Светлана всё ещё стоит у двери, добавила: — И отчёт пришлите, когда будет готов. Я его сегодня посмотрю.

После её ухода Алина некоторое время сидела неподвижно. Потом достала небольшой блокнот и записала несколько фамилий и адресов, прежде чем закрыть папку Костина и убрать обратно в ящик. Второй день не должен был превращаться в самостоятельное расследование, особенно после прямого предупреждения Вельского сообщать ему обо всём, что касается исчезнувшего сотрудника. Но и бежать вверх с каждым случайным разговором она не собиралась. Пока у неё были только семь старых зданий, пометка «пусто» и факт, что Костин спорил с человеком, отвечавшим за эти здания. Слишком мало даже для подозрения.

К девяти этаж ожил. Сначала появился Максим с бумажным стаканом кофе, затем две девушки из отдела, потом мимо стеклянной перегородки несколько раз прошли люди, которых Алина пока знала только в лицо. Елена заглянула около половины десятого, пожелала доброго утра и принесла список руководителей, с которыми новой сотруднице следовало познакомиться в первую неделю. Она вела себя совершенно обычно, спросила, удобно ли в кабинете, не мешают ли оставленные вещи Костина, и пожаловалась, что кто-то снова неправильно зака-

зал лампы для лестницы на одном из объектов. Алина несколько минут прислушивалась к себе, пытаясь понять, изменилось ли её отношение после утреннего разговора со Светланой, но ничего подозрительного не обнаружила. Черкасова оставалась той же спокойной женщиной, рядом с которой хотелось говорить немного медленнее.

— Кстати, сегодня в одиннадцать Роман Александрович собирает руководителей, — сказала Елена, просматривая что-то в телефоне. — Вам тоже пришло приглашение?

Алина открыла календарь и увидела встречу, появившуюся там пятнадцать минут назад.

— Пришло. Написано просто «оперативное совещание». Очень содержательно.

— Это ещё подробное приглашение. Иногда там написано только время.

— Я начинаю понимать ваш восторг от его коммуникативных навыков.

Елена рассмеялась и убрала телефон.

— На совещании лучше сначала послушайте. Не потому что вам нельзя говорить, а потому что там некоторые руководители умеют создать вокруг простого вопроса столько слов, что к середине разговора забывают, с чего начали. Роман Александрович этого терпеть не может.

— А что терпит?

— Когда отвечают на вопрос.

— Опасное требование для большого офиса.

— Поэтому некоторые его и боятся.

Она ушла, а Алина ещё несколько минут занималась отчётами, прежде чем поняла, что мысль о предстоящем совещании вызывает у неё совершенно нелепое напряжение. Она не боялась Вельского. По крайней мере, не в том смысле, в котором люди боятся начальника, способного одним решением оставить их без работы. Она слишком недавно уже потеряла куда более важную часть прежней жизни и успела убедиться, что после этого мир не заканчивается. Но Роман каким-то образом заставлял её чувствовать себя особенно собранной, словно любое небрежно сказанное слово будет замечено и сохранено. Это раздражало, потому что в последние годы рядом с Андреем происходило почти обратное: она могла говорить о чём-то важном несколько минут и в какой-то момент понимать, что муж уже смотрит в телефон.

Перед одиннадцатью Алина поднялась на восемнадцатый этаж вместе с Еленой. Переговорная оказалась большой, с длинным столом и стеклянной стеной, за которой город лежал почти до горизонта. Несколько руководителей уже сидели на местах, кто-то говорил по телефону, кто-то листал документы. Алина узнала финансового директора с собственного собеседования, Михаила Барышева, и получила от него короткий приветственный кивок. Елена села рядом и тихо представила ещё двух человек, пока дверь не открылась и в комнату не вошёл Роман.

Ничего особенного не произошло. Никто не замолчал резко, люди не вскочили, а сам Вельский не пытался подчеркнуть собственное появление. Он просто прошёл к своему месту, положил перед собой планшет и, не тратя время на длинное вступление, спросил:

— Что с задержкой открытия на Набережной?

Мужчина лет пятидесяти в тёмно-синем костюме, сидевший ближе к дальнему краю стола, почти сразу начал объяснять. Алина знала этот тип ответа слишком хорошо: сначала внешние обстоятельства, потом подрядчики, затем ошибки смежного отдела и только где-то в самом конце осторожное признание, что собственная часть работы тоже была выполнена неидеально. Роман слушал примерно минуту, не перебивая, а потом поднял руку.

— Сергей Петрович, я спросил, почему объект не открыт сегодня.

— Мы столкнулись с рядом сложностей, — мужчина поправил ручку перед собой. — Подрядчик не успел завершить часть работ, кроме того, городские службы задержали согласование, и в пятницу выяснилось, что дополнительная проверка...

— Когда вы поняли, что сегодня не откроется?

В переговорной стало значительно тише.

— В пятницу.

— Во сколько?

— После обеда.

— Почему я узнал об этом вчера вечером?

Сергей Петрович покраснел не так, как краснеют люди от публичного унижения. Скорее как человек, который внезапно понял, что удобной версии ответа больше нет.

— Я рассчитывал, что за выходные удастся решить вопрос.

— То есть вы знали о риске и решили не сообщать, потому что надеялись, что он исчезнет сам?

— Я бы не формулировал настолько жёстко.

— А как сформулировали бы?

Мужчина открыл рот и снова закрыл. Роман несколько секунд смотрел на него, после чего неожиданно перевёл взгляд на остальных.

— Подрядчика не трогайте. Если мы дали ему сроки, которые невозможно выполнить, это наша проблема. По городской части я сам поговорю. Сергей Петрович, от вас сегодня до трёх мне нужна новая дата открытия, реальная, а не красивая. И в следующий раз сообщайте о риске тогда, когда он появляется, а не когда перестаёт быть скрываемым.

Ни угроз, ни повышения голоса, ни демонстративного «вы свободны». Просто разговор закончился, и Роман перешёл к следующему вопросу. Алина неожиданно поймала себя на том, что ей понравилось увиденное. Человек действительно мог заставить руководителя покраснеть одним вопросом, но не ради удовольствия показать власть. Более того, как только речь зашла о подрядчике, Вельский моментально взял часть ответственности на себя, хотя мог легко позволить подчинённому переложить всё наружу.

Через двадцать минут возник ещё более показательный эпизод. Молодая руководительница отдела маркетинга начала рассказывать о неудачном запуске рекламной кампании и, заметно нервничая, несколько раз повторила, что концепцию лично согласовал Роман. В комнате повисло неприятное молчание, потому что фраза прозвучала почти как попытка заранее распределить вину. Вельский не изменился в лице.

— Согласовал, — сказал он спокойно. — Концепция мне понравилась. Ошибка моя вместе с вашей, если хотите распределить поровну. Что будете менять?

Девушка явно ожидала чего угодно, кроме такого ответа, и на секунду растерялась. Потом быстро открыла презентацию и начала объяснять новый вариант. Роман выслушал, задал несколько вопросов и в конце одобрил изменения, не вернувшись к теме вины ни разу. Алина заметила, как девушка после этого выпрямилась и стала говорить увереннее.

До самого конца совещания Вельский ни разу не обратился к Алине напрямую, если не считать короткого вопроса, всё ли у неё есть для начала работы. Она ответила, что почти всё, и увидела в его взгляде едва заметное подозрение, словно мужчина уже знал: слово «почти» однажды вернётся к нему в кабинете. Когда встреча закончилась, руководители начали расходиться, а Елена задержалась возле двери, отвечая на сообщение. Алина тоже не спешила и позволила остальным пройти вперёд.

— Ну как? — спросила Черкасова, когда они вышли в коридор.

— Я ожидала хуже.

— Только не говорите ему. Расстроится.

— Я ожидала человека, который заставляет подчинённых бояться ошибаться. А он, кажется, больше злится, когда люди скрывают ошибку.

Елена посмотрела на неё с лёгким одобрением.

— Вы быстро понимаете.

— Это профессиональная деформация. Я слишком часто вижу, как маленькая неприятность превращается в катастрофу только потому, что человек три дня боялся признаться начальству.

Они спустились на шестнадцатый этаж, и Алина вернулась к работе, но впечатление от совещания осталось. Ей даже пришлось несколько раз напомнить себе, что адекватное поведение руководителя не делает человека автоматически хорошим. Люди вообще редко помещались в удобные категории. Андрей, например, никогда не был чудовищем. Он не бил её, не запрещал работать, не отнимал деньги, не устраивал сцен ревности и до сих пор оставался хорошим отцом. Просто в какой-то момент решил, что имеет право жить двойной жизнью, пока сам не определится, какую из двух женщин выбирает. Иногда одного поступка оказывалось достаточно, чтобы перечеркнуть множество вполне приличных качеств.

К обеду Алина закончила первый подробный просмотр расходов по старым объектам и обнаружила, что вчерашнее впечатление не было случайностью. Компания действительно годами содержала места, от которых нормальный собственник давно попытался бы избавиться. Один старый двухэтажный дом почти не приносил дохода, но там постоянно работали два охранника и уборщица. В другом здании оставалась крошечная ремонтная мастерская с тремя сотрудниками, хотя всё остальное помещение пустовало. В третьем стоял круглосуточный пост охраны при том, что внутри хранилась только старая мебель. На нескольких объектах регулярно меняли лампы, ремонтировали отопление и оплачивали мелкие работы, которые выглядели совершенно бессмысленно для зданий, не дающих компании почти никакой прибыли.

Самое странное заключалось даже не в суммах. Для большого холдинга расходы были неприятными, но не критичными. Странной была последовательность. Где-то другой владелец давно отключил бы отопление на зиму, здесь его поддерживали. Где-то сократили бы последнего охранника, здесь его сменщик получал доплату за ночные часы. Словно важным было не само здание и даже не его состояние, а то, чтобы внутри постоянно находился хотя бы кто-нибудь.

Алина несколько раз перечитала таблицу, затем открыла список Костина. Совпадение оказалось почти полным. Пять из семи его адресов были теми самыми объектами, где компания годами упрямо сохраняла минимальное человеческое присутствие, а незадолго до исчезновения Костина люди оттуда почему-то ушли.

Она постучала ручкой по столу и позвонила Максиму.

— Зайдёте ко мне на минуту?

Парень появился почти сразу, держа в одной руке телефон и недоеденное яблоко.

— Я не вовремя?

— Если это ваш обед, доедайте. Я не настолько страшная.

Он смущённо спрятал яблоко за спину, будто она поймала его за чем-то неприличным.

— Я потом.

— Максим, я не собираюсь увольнять людей за еду. Садитесь.

Он сел напротив, и Алина повернула к нему экран.

— По этим старым объектам вы что-нибудь знаете? Почему, например, в доме на Лесной до прошлого месяца держали двух охранников, хотя там практически нечего охранять?

Максим нахмурился.

— Потому что Роман Александрович не разрешает их закрывать.

— Все старые здания?

— Не все. Некоторые. Мы пару раз предлагали сократить расходы, Вадим Сергеевич особенно настаивал. Вельский каждый раз говорил оставить как есть.

— Объяснял почему?

— Обычно говорил, что объект ещё понадобится.

— И понадобился?

Парень пожал плечами.

— Насколько я знаю, нет.

Алина открыла другой адрес.

— А мастерская здесь?

— Это вообще странная история. Там трое мужиков чинят мебель, что-то по мелочи делают для других зданий. Вадим Сергеевич считал, что дешевле всё отдавать подрядчикам, но Роман Александрович не разрешал закрывать.

— Давно она существует?

— Лет десять точно.

— То есть компания десять лет содержит мастерскую, которая экономически не нужна?

Максим осторожно улыбнулся.

— Вы сейчас говорите почти словами Вадима Сергеевича.

Это уже переставало нравиться.

— А что отвечал Вельский ему?

— Не знаю. Они несколько раз разговаривали лично. После одного разговора Вадим Сергеевич вышел злой и сказал, что когда-нибудь заставит начальство объяснить, зачем мы платим людям за присутствие.

Последнее слово заставило Алину замереть.

— Именно так и сказал?

Максим задумался, восстанавливая фразу.

— Кажется, да. Что-то вроде: «Если им платят только за присутствие, пусть хотя бы объяснят, зачем». Я тогда не понял.

Алина тоже не понимала, но совпадение с её собственным ощущением было слишком точным. Она поблагодарила Максима и отпустила, после чего ещё несколько минут смотрела на экран, хотя цифры перестали иметь значение.

Вадим Костин заметил то же самое.

И после этого начал самостоятельно ездить на объекты.

Слово «пусто» уже не выглядело случайной пометкой.

Алина достала папку и положила рядом с таблицами. Дом на Лесной: до июля два охранника и уборщица, потом всех временно перевели. Через три дня Костин написал «пусто». Мастерская на окраине: закрыта якобы из-за ремонта электрики. Пометка появилась на следующий день. Старое административное здание: сторож ушёл на больничный, сменщика почему-то не поставили. Снова «пусто».

Связь была слишком очевидной, чтобы её игнорировать, и одновременно совершенно бессмысленной. Почему Костина вообще волновало, что несколько старых зданий временно остались без людей? Почему компания годами платила за само присутствие сотрудников? И почему Роман Вельский, способный на утреннем совещании требовать от каждого руководителя внятного объяснения расходов и сроков, сам поддерживал очевидно неэффективную систему без всяких объяснений?

Алина посмотрела на часы. Почти два.

Она могла продолжить копаться самостоятельно. Могла дожидаться, пока соберёт больше фактов. Но на этот раз вопрос уже напрямую касался распоряжений самого Вельского, а значит, прятаться за чужими таблицами было бессмысленно. К тому же вчера он сам сказал сообщать обо всём, что связано с Костиным.

Она написала короткое сообщение помощнице Романа и через пять минут получила ответ: Вельский свободен через двадцать минут.

Когда Алина поднялась на восемнадцатый этаж, оказалось, что кабинет владельца компании выглядит гораздо менее пафосно, чем она ожидала. Большая комната, два окна, длинный стол для небольших встреч, несколько полок с книгами и старые чёрно-белые фотогра-

фии города на стене. Никакого золота, картин за миллионы и огромного кресла, от которого посетитель должен чувствовать собственную ничтожность. Роман сидел за обычным рабочим столом без пиджака, просматривая что-то на планшете.

— Проходите, — сказал он, не поднимая головы. — Вы написали, что нашли вопрос по Костину.

Алина села напротив и положила на стол несколько распечаток.

— Не знаю, связан ли он с Костиным, но именно он этим занимался перед исчезновением.

Теперь Роман посмотрел на неё внимательно.

— Рассказывайте.

Она коротко объяснила про старые объекты, постоянных охранников, мастерские и людей, которых компания почему-то сохраняла там годами. Потом показала список мест, где сотрудники недавно исчезли, и пометки Костина.

— Он ездил туда после того, как помещения становились пустыми, — закончила Алина.

— По крайней мере, даты совпадают слишком хорошо, чтобы считать это случайностью.

Роман некоторое время молча смотрел на бумаги. Алина наблюдала за его лицом и увидела то же изменение, которое заметила вчера возле таблицы: внешне ничего не произошло, но мужчина стал собраннее, словно внутри него что-то резко переключилось.

— Кто ещё видел эти записи?

— Не знаю. Папка лежала в кабинете Костина.

— Вы кому-нибудь рассказывали?

— Я спросила Максима про сами расходы. Записи не показывала.

— Елене?

Вопрос прозвучал слишком быстро.

Алина слегка нахмурилась.

— Нет.

Роман взял лист с адресами и провёл пальцем по первой строке.

— Хорошо. Больше пока никому не показывайте.

— Почему?

— Потому что я прошу вас этого не делать.

Алина даже откинулась назад.

— Вы опять начинаете.

— Что именно?

— Отвечать распоряжением на вопрос.

Роман поднял взгляд.

— В данном случае этого достаточно.

— Для вас — возможно.

— Алина Сергеевна.

— Нет, подождите. Вчера вы сказали сообщить вам, если я найду что-нибудь связанное с Костиным. Я сообщила. Теперь выясняется, что мне опять нельзя знать, почему собственная компания годами содержит здания, которые никому не нужны, и почему человек, сидевший в моём кабинете до меня, непосредственно перед исчезновением ездил именно туда.

— Я не сказал, что вам нельзя знать.

— Вы просто не говорите.

— Есть разница.

— Для человека, которому не отвечают, небольшая.

Роман положил лист на стол и несколько секунд смотрел на неё, не раздражаясь и не пытаясь прервать. Именно это действовало хуже, чем если бы он повысил голос. Алина чувствовала, что мужчина не считает её вопрос глупым. Наоборот, он как будто слишком хорошо понимает, почему она его задаёт, и всё равно сознательно не отвечает.

— Хорошо, — сказал он наконец. — Что конкретно вы хотите знать?

— Для начала зачем компании нужно держать людей в старых зданиях, которые практически не используются.

— Эти объекты нельзя полностью закрывать.

— Почему?

— Пока не могу объяснить.

Алина рассмеялась коротко и без веселья.

— Великолепно. Тогда второй вопрос. Почему после того, как людей оттуда вывели, Костин начал туда ездить?

— Это я тоже выясняю.

— А вы знали, что он ездит?

На этот раз пауза была длиннее.

— Не сразу.

— Когда узнали?

— После его исчезновения.

Ответ прозвучал честно, и именно поэтому Алина немного успокоилась. Если бы Роман хотел избавиться от разговора, мог просто сказать, что ничего не знает.

— И что вы выяснили?

— Пока недостаточно.

— Тогда я хочу посмотреть эти объекты сама.

Реакция оказалась мгновенной.

— Нет.

Алина даже не ожидала настолько категоричного ответа.

— Простите?

— Вы не будете самостоятельно ездить ни по одному адресу из этого списка.

— Я, кажется, не спрашивала разрешения на командировку в Антарктиду.

— И тем не менее ответ тот же.

— Роман Александрович, вы сейчас серьёзно запрещаете руководителю внутреннего контроля посмотреть объекты, на которые компания годами тратит деньги?

— Да.

— На каком основании?

— На том, что я отвечаю за вашу безопасность.

Эта фраза задела совершенно не там, где он, вероятно, рассчитывал. Алина почувствовала, как внутри мгновенно поднимается знакомое раздражение, накопленное за годы из десятков мелких ситуаций, когда мужчина рядом объяснял, что просто заботится. Андрей тоже когда-то говорил: «Не бери эту работу, тебе будет тяжело», «Не ездь одна, я сам решу», «Зачем тебе это, всё равно потом устанешь». И Алина соглашалась, потому что любящий человек якобы действительно должен знать, что для неё лучше. Только спустя годы поняла, как постепенно привыкаешь путать заботу с разрешением.

— Нет, — сказала она спокойно.

Роман чуть нахмурился.

— Что нет?

— Вы не отвечаете за мою безопасность в том смысле, который даёт вам право запрещать мне выполнять работу. Я совершеннолетняя женщина и прекрасно понимаю, что старое здание может быть аварийным.

— Дело не только в состоянии зданий.

— Тогда объясните, в чём.

— Не могу.

— Значит, мы опять вернулись к началу.

Она почувствовала, что начинает злиться сильнее, и сознательно заставила себя говорить медленнее. Скандал с владельцем компании на второй день был бы выдающимся достижением даже по её меркам, но уступать только из-за должности Романа она тоже не собиралась.

— Послушайте, — продолжила Алина, положив ладонь на распечатки. — Вы наняли руководителя внутреннего контроля. Не секретаршу, которой достаточно сказать, какую папку открыть, а какую закрыть. Моя работа как раз заключается в том, чтобы замечать вещи, которые кто-то другой предпочёл бы не замечать. Сейчас я вижу совершенно нелогичные расходы, исчезнувшего сотрудника и его записи о тех же объектах. Если после этого мне говорят просто отвернуться, я начинаю задавать ещё больше вопросов.

Роман откинулся в кресле. В его глазах неожиданно появилось что-то похожее не на раздражение, а на усталое удовлетворение.

— Именно поэтому я вас и нанял.

Алина замолчала.

Несколько секунд в кабинете было слышно только тихое гудение кондиционера. Фраза могла означать обычную похвалу характеру нового сотрудника, но прозвучала совершенно иначе. Слишком определённо. Словно Вельский выбирал её именно для того, чтобы она однажды села напротив и начала задавать эти вопросы.

— Что значит «именно поэтому»?

Роман, кажется, понял собственную ошибку, но отступить не стал.

— Вы не боитесь спорить с человеком, который вам платит.

— Это я уже говорила на собеседовании.

— Говорили.

— И вы решили проверить?

— Среди прочего.

Алина всмотрелась в него внимательнее.

— Вы лично выбирали меня?

— Да.

— Мне сказали, что было несколько кандидатов.

— Было.

— И вы настояли на моей кандидатуре?

Роман помолчал, затем кивнул.

— Да.

Это было странно приятно и одновременно тревожно. Алина ожидала, что её пригласили потому, что опыт подходил под вакансию, а зарплатные ожидания уложились в бюджет. Мысль, что владелец холдинга сознательно выбрал именно её среди нескольких кандидатов, внезапно делала собеседование гораздо более значимым.

— Почему?

— Я только что сказал.

— Нет. Вы сказали, что вам нужен человек, который спорит. В любой компании таких достаточно.

— Не таких.

Она неожиданно почувствовала, как сердце ударило чуть сильнее, и тут же разозлилась на собственную реакцию. Роман говорил о профессиональных качествах. Только о них.

— И чем же я особенная?

— Вы ушли с хорошей должности, не имея следующей работы, потому что поняли, что больше не хотите оставаться там из страха перед переменами. На собеседовании вы рассказали это человеку, которого видели первый раз, хотя прекрасно понимали, что такой ответ может мне не понравиться. Потом сообщили, что будете спорить со мной, если сочтёте решение

неправильным. Большинство кандидатов на подобной встрече стараются показать, насколько удобно с ними работать.

— А я показала, насколько неудобно.

— Именно.

— И вам почему-то это понравилось.

Роман едва заметно улыбнулся.

— Я не использовал слово «понравилось».

— Но наняли.

— Нанял.

Алина сама не заметила, как разговор перестал быть спором и стал чем-то значительно более опасным. Мужчина напротив не флиртовал в обычном смысле, не делал комплиментов и даже почти не улыбался, однако говорил о ней так, словно действительно запомнил каждую фразу собеседования. После последних лет рядом с человеком, который временами не замечал новой стрижки, такое внимание ощущалось почти неприлично.

Она первой отвела взгляд и постучала пальцем по списку.

— Тогда возникает ещё больший вопрос. Если вам специально понадобился неудобный человек, зачем теперь запрещать ему быть неудобным?

— Потому что я нанимал вас не для того, чтобы вы исчезли вслед за Костиным.

Фраза моментально вернула разговор к реальности.

Алина посмотрела на него.

— Вы думаете, его исчезновение связано с этими местами?

— Я думаю, что вероятность достаточно высокая, чтобы не позволить вам самостоятельно туда ездить.

— Но сами вы туда ездите?

— Иногда.

— И почему вам можно?

— Потому что я знаю, чего опасаться.

Она едва не спросила: «Чего?», но уже знала ответ.

— И вы опять не можете объяснить.

— Пока нет.

— Очень удобное слово.

— Знаю.

Он произнёс это без насмешки. Скорее с пониманием того, насколько раздражающей выглядит ситуация с её стороны.

Алина некоторое время молчала. С одной стороны, всё внутри требовало продолжать давить, пока мужчина не скажет хоть что-нибудь конкретное. С другой — сегодня утром она сама наблюдала, как он обращается с людьми. Роман не производил впечатления начальника, который скрывает информацию просто ради удовольствия обладать тайной. Если он действительно считал эти места опасными, возможно, причина существовала.

Проблема заключалась в том, что доверять ему Алина пока не была обязана.

— Хорошо, — сказала она наконец. — Самостоятельно я пока не поеду.

Взгляд Романа чуть изменился.

— Спасибо.

— Не благодарите раньше времени. Я сказала «пока».

— Я услышал.

— И продолжу разбираться в документах.

— Продолжайте.

— В том числе по этим объектам.

— В документах — сколько угодно.

Алина прищурилась.

— А что такого может произойти со мной в старом доме, чего не произойдёт с вами?

Роман не ответил сразу. Он посмотрел на фотографию здания, лежащую поверх остальных листов, и выражение его лица впервые стало таким, что желание шутить исчезло.

— Очень надеюсь, что вам никогда не придётся это узнать.

Эта фраза прозвучала слишком серьёзно для аварийного пола, падающей штукатурки или оголённой проводки. Алина почувствовала знакомый холодок любопытства, который всегда появлялся, когда факты переставали складываться в нормальное объяснение.

Она собрала бумаги.

— Вы понимаете, что такими ответами только заставляете меня интересоваться сильнее?

— Понимаю.

— И всё равно ничего не скажете?

— Пока нет.

— Тогда не жалуйтесь потом.

Алина поднялась, но возле двери Роман неожиданно окликнул её.

— Алина Сергеевна.

Она обернулась.

— Что?

— Я серьёзно. Не ездите туда одна.

В его голосе не было начальственной жёсткости. Только то самое беспокойство, которое она заметила ещё вчера.

Алина несколько секунд смотрела на него и впервые не нашла подходящего колкого ответа.

— Я услышала, — сказала она наконец и вышла.

В коридоре стало легче дышать. Она дошла до лифта, нажала кнопку и посмотрела на собственное отражение в металлической двери. Женщина в зеркале выглядела немного раздражённой, немного растерянной и подозрительно заинтересованной человеком, которого знала второй день.

— Великолепно, Миронова, — тихо сказала Алина себе под нос. — Именно этого тебе и не хватало.

Двери открылись, и внутри оказалась Елена.

— Судя по лицу, разговор прошёл продуктивно, — заметила она, отступая, чтобы Алина вошла.

— Если под продуктивностью понимать появление новых вопросов вместо ответов, то исключительно.

— Спрашивали про старые здания?

Алина повернулась к ней.

Вопрос прозвучал совершенно естественно, но после разговора с Романом она стала внимательнее к каждой мелочи.

— А почему вы решили?

Елена пожала плечами.

— Потому что все новые люди из контроля рано или поздно спрашивают про старые здания. Вы сделали это на второй день. Костину понадобилось примерно две недели.

— И что обычно отвечает Роман Александрович?

— Что закрывать нельзя.

— А почему?

— Если когда-нибудь узнаете, расскажите и мне, — спокойно ответила Елена. — Я четырнадцать лет слышу примерно одно и то же.

Алина несколько секунд наблюдала за ней, пытаясь понять, врёт ли женщина. Никакого напряжения, лишней паузы или попытки уйти от темы она не заметила.

— Но ведь вы сами отвечаете за эти объекты.

— За то, чтобы там был свет, не текла крыша и сотрудники не проваливались сквозь пол. Стратегические причины, почему именно Вельский хочет держать конкретное здание, не всегда объясняют даже мне.

— Вас это не раздражает?

— Раньше раздражало. Потом я решила, что у каждого человека должно быть хотя бы одно странное увлечение. Кто-то коллекционирует монеты, кто-то покупает старые машины, а Роман Александрович содержит здания, которые нормальный человек давно бы продал.

— Очень дорогое увлечение.

— Он может себе позволить.

Лифт остановился, и они вышли на шестнадцатом этаже. Елена уже собиралась идти дальше, когда Алина всё-таки спросила:

— А вы часто спорили с Костиным из-за этих расходов?

Черкасова на мгновение задержалась.

— Последнее время часто. Он хотел закрыть несколько мест, я получала прямое распоряжение Вельского оставить. Вадим считал, что я просто покрываю бессмысленные траты.

— Вы обижались?

Елена улыбнулась, но на этот раз чуть грустнее.

— В нашем возрасте, Алина Сергеевна, сложно всерьёз обижаться на человека за то, что он считает вашу работу бессмысленной. Особенно когда иногда сам думаешь примерно так же.

Она ушла по коридору, а Алина осталась возле своего кабинета с неприятным ощущением, что получила ответ, который одновременно объяснял всё и ничего.

После обеда ей пришлось заняться обычной работой, и это оказалось даже полезно. Несколько часов ушли на совершенно земные задачи: ошибки в отчётах, непонятные расходы, документы, которые один отдел считал обязанностью другого. Алина впервые провела короткое совещание со своей командой и намеренно постаралась не превращать его в экзамен. Она попросила людей говорить о проблемах раньше, чем найдут красивое объяснение, и заметила, как Максим переглянулся со Светланой. Возможно, Костин говорил им то же самое. Возможно, каждый нормальный руководитель внутреннего контроля говорил одно и то же, потому что другого способа работать просто не существовало.

Ближе к пяти Алина снова открыла список старых объектов, но на этот раз не ради расходов. Она начала смотреть даты появления сотрудников и их исчезновения. Несколько охранников работали там годами. Мастерская существовала больше десяти лет. Уборщица в доме на Лесной числилась там почти семь. Людей действительно не меняли без необходимости, словно важно было не просто поставить любого работника, а сохранить привычное присутствие.

Потом происходило что-то странное. Один охранник уходил на больничный, замены не находилось. Мастерскую закрывали из-за неисправности проводки. Уборщицу переводили на другой адрес. Иногда распоряжение выглядело случайным, иногда вполне объяснимым, но результат был один: здание оставалось пустым.

Через день или два туда приезжал Костин.

Алина достала блокнот и написала: «Почему он проверял не закрытие, а пустоту?»

Вопрос выглядел глупо даже на бумаге. Она почти зачеркнула его, но передумала.

В шесть часов отдел начал расходиться. Алина на этот раз тоже собиралась уйти вовремя, но Светлана принесла исправленный отчёт, и они ещё минут двадцать разбирали несколько строк. Когда женщина ушла, телефон Алины завибрировал.

Андрей.

Она посмотрела на имя и на секунду почувствовала старое желание не отвечать. Потом сама разозлилась на себя и провела пальцем по экрану.

— Да?

— Привет. Не помешал? — голос бывшего мужа звучал осторожно, как почти всегда после развода.

— Я на работе, но уже заканчиваю. Что случилось?

— Ничего. Катя сказала, ты сегодня поздно будешь. Я хотел в пятницу забрать её на выходные, если у вас нет планов.

Фраза «если у вас нет планов» раньше звучала бы естественно. Теперь Алина каждый раз слышала в ней странное разделение: у неё и Кати одна жизнь, у Андрея другая.

— Спроси у неё самой. Ей семнадцать, я уже не распределяю выходные.

— Я спрашивал. Она сказала, чтобы сначала согласовал с тобой.

Алина невольно улыбнулась.

— Очень удобно. Мне она говорит обратное.

— Значит, научилась управлять родителями.

— Есть в кого.

Пауза возникла мгновенно. Шутка случайно коснулась той части прошлого, которой оба старались избегать.

— Алин, — начал Андрей тише. — Я не хотел...

— Всё нормально, — остановила она. — Забирай в пятницу. Если она сама хочет.

— Спасибо. Как первый день прошёл?

— Уже второй.

— Точно. Извини.

Ещё несколько месяцев назад это простое «извини» ранило бы. Андрей когда-то знал её расписание лучше собственного. Теперь перепутал первый и второй рабочий день, и мир почему-то не рухнул.

— Нормально, — сказала Алина. — Начальник странный.

— В каком смысле?

Она уже собиралась рассказать про Вельского, но остановилась. Не потому что существовала тайна, а потому что неожиданно не захотела делиться этим именно с Андреем.

— В рабочем.

— Если что-то не понравится, не держись за место только из-за денег.

Совет был вполне разумным. И всё равно внутри что-то мгновенно напряглось.

— Я сама разберусь, Андрей.

Он помолчал.

— Конечно. Я просто сказал.

— Знаю.

Они попрощались спокойно. После разговора Алина некоторое время смотрела на телефон и пыталась понять, почему совершенно безобидная фраза бывшего мужа раздражила сильнее, чем должна была. Ответ был очевиден и поэтому неприятен: дело давно уже не в Андрее. Она сама слишком остро реагировала на любую попытку мужчины подсказать, что ей делать, потому что последние месяцы будто заново училась владеть собственной жизнью.

Возможно, именно поэтому спор с Вельским задевал так сильно.

Алина закрыла компьютер, убрала бумаги и уже взяла сумку, когда взгляд снова упал на нижний ящик. Она открыла его и ещё раз посмотрела на папку Костина. Потом, поколебавшись, достала фотографию последнего здания, возле которого стояла запись: «Е. говорит, авария. Снова пусто».

На обратной стороне кто-то ручкой написал дату.

За два дня до исчезновения Костина.

Алина перевернула фотографию обратно. Небольшой дом из тёмного кирпича, закрытые ставни, старая дверь. Ничего угрожающего. Если бы она увидела его на улице, прошла бы мимо, даже не запомнив.

«Не ездите туда одна».

Она почти услышала голос Вельского.

Разумеется, можно было найти адрес в интернете. Это не считалось поездкой.

Алина ввела улицу и номер в поисковик. Первые результаты ничего интересного не дали: старое техническое здание, несколько фотографий, краткая история района. Потом она открыла карту и увеличила изображение.

Дом находился всего в пятнадцати минутах езды от офиса.

Она замерла, глядя на маршрут.

Пятнадцать минут.

Если просто проехать мимо, даже не выходя из машины, это нельзя назвать посещением объекта. С другой стороны, если она уже начинает придумывать формулировки, позволяющие формально не нарушить обещание начальнику, значит прекрасно понимает, что делает именно то, чего он просил не делать.

Алина закрыла карту.

— Нет, — сказала она самой себе. — Не сегодня.

Решение почему-то оказалось труднее, чем ожидалось.

Она выключила свет и вышла в коридор. На этот раз этаж ещё не полностью опустел, возле лифтов разговаривали двое сотрудников, поэтому вчерашнего странного ощущения тишины не возникло. Алина вошла в кабину вместе с ними, спустилась в холл и только возле выхода заметила Романа Вельского, стоявшего у стойки охраны.

Он разговаривал с пожилым мужчиной в рабочей куртке, который выглядел совершенно неуместно среди стекла и дорогих костюмов. Алина невольно замедлила шаг. Мужчина держал в руке мятую кепку и явно нервничал.

— Я правда не хотел беспокоить вас лично, Роман Александрович, — говорил он. — Просто начальник сказал, что ничего сделать нельзя. У меня жена после операции, я просил смены перенести хотя бы на две недели.

— Кто сказал, что нельзя? — спросил Роман.

— Бригадир.

— Фамилия?

Мужчина назвал её.

Роман достал телефон и что-то быстро написал.

— Завтра вам изменят график. Если не изменят, позвоните вот по этому номеру.

Он продиктовал контакт помощницы.

— Спасибо. Я отработаю потом, честное слово.

— Не надо ничего отрабатывать сверх нормы. У вас есть отпускные дни?

— Есть, но я хотел сохранить на осень.

— Тогда просто поменяем смены. Идите домой.

Пожилый мужчина несколько раз поблагодарил и направился к выходу. Только после этого Роман заметил Алину, стоявшую в нескольких метрах.

— Подслушиваете?

— Наблюдаю корпоративную культуру.

— И как?

— Пока не решила, будете вы главным злодеем или нет.

Роман посмотрел на неё с лёгким удивлением.

— У меня были шансы?

— Утром увеличились. Сейчас опять упали.

— Жаль. Я старался.

Они вместе пошли к выходу. Через стеклянные двери был виден вечерний город, мокрый после короткого дождя, который Алина даже не заметила из кабинета.

— Вы машину где оставили? — спросил Роман.

— На парковке через дорогу.

— Тогда возьмите зонт. Ещё моросит.

— У меня есть.

Она достала из сумки маленький складной зонт и уже собиралась попрощаться, когда Роман остановился.

— Вы ведь не собираетесь сегодня ехать по тем адресам?

Вопрос прозвучал настолько неожиданно, что Алина даже рассмеялась.

— Вы следите за мыслями сотрудников?

— По вашему лицу несложно понять, когда вы собираетесь сделать что-нибудь, что вам запретили.

— Очень лестная характеристика.

— Я серьёзно.

— Я тоже. Не поеду.

Он несколько мгновений смотрел на неё, словно проверял ответ.

— Хорошо.

— Вы мне не верите?

— Верю.

— Тогда зачем так смотрите?

Роман чуть склонил голову.

— Пытаюсь понять, почему женщина, которая два часа спорила со мной из-за права самостоятельно решать, внезапно согласилась.

Алина задумалась и сама удивилась честности ответа, который пришёл первым.

— Потому что вы не похожи на человека, который запрещает что-то просто ради удовольствия командовать.

На лице Вельского на мгновение исчезла привычная невозмутимость. Не сильно, но достаточно, чтобы она заметила.

— Это почти комплимент.

— Не привыкайте.

— Постараюсь.

Алина раскрыла зонт и вышла под мелкий дождь. Через несколько шагов ей захотелось обернуться, но она специально не стала. Только возле машины всё-таки посмотрела через дорогу и увидела, что Роман всё ещё стоит у стеклянных дверей, разговаривая по телефону.

Она села за руль и некоторое время не заводила двигатель.

Сегодня она узнала о нём больше, чем собиралась. Роман Вельский умел быть резким, почти раздражающе уверенным в собственных решениях и совершенно невыносимым, когда отказывался объяснять очевидные вещи. Но человек, способный публично признать собственную ошибку, не перекладывать её на подчинённого и вечером лично разбираться с графиком пожилого охранника, плохо совпадал с удобным образом богатого самодура.

Это усложняло всё.

Гораздо проще было бы не доверять ему совсем.

Алина завела машину, но вместо того, чтобы сразу выехать, достала телефон и снова открыла карту с адресом старого кирпичного дома. Пятнадцать минут от офиса. Теперь маршрут казался ещё заманчивее именно потому, что она пообещала не ехать.

Она закрыла приложение.

На экране осталось отражение её собственного лица.

Вельский выбрал её сам.

Не кадровик. Не финансовый директор. Именно он.

Из нескольких кандидатов.

Потому что ему понадобился человек, который будет задавать неудобные вопросы.

А когда этот человек действительно начал задавать их, Роман испугался и запретил приближаться к тому, что находилось в центре этих вопросов.

Алина медленно положила телефон на соседнее сиденье.

До сегодняшнего дня она считала, что просто нашла новую работу.

Теперь впервые возникло неприятное ощущение, что работа каким-то образом нашла её раньше.

Глава 3. Человек, который должен был вернуться

На третий рабочий день Алина впервые поймала себя на том, что думает о «Вельский Групп» ещё до того, как успевает открыть глаза окончательно. Это ей не понравилось. Последние месяцы она слишком много сил потратила на то, чтобы перестать просыпаться с Андреем в голове: сначала вспоминала его почти сразу, вместе с неприятной секундой, когда сознание возвращалось и напоминало, что муж теперь спит в другой квартире, потом научилась хотя бы несколько минут думать о погоде, завтраке, Катиных заняти

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.